

УДК 94; 340.5

ЗАЧЕМ КУПЦАМ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ НУЖНА БЫЛА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ?

Александр В. Даньшин^{1, *}

¹ Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 650992, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39

* danschin.garant2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.06.2017. Принята к печати 17.10.2017.

Ключевые слова: традиционный Китай, купечество, конфуцианство, государственные экзамены, учёная степень, *шэньши*.

Аннотация: В статье исследуется проблема участия купечества традиционного Китая в специальных экзаменах, дающих право на работу в органах государственной власти. Автор ставит задачу выяснить причины запрета на участие в них купечества, в то время как такая возможность была даже у ремесленников и крестьян. В связи с предоставлением им затем такого права раскрываются причины появления среди купцов большого количества желающих пройти эти сложные испытания, несмотря на большие материальные и моральные издержки, а также отсутствие даже в случае блестящего результата каких-либо гарантий стать чиновником. Автор делает вывод, что для большинства из них основной целью был не чиновничий пост, а получение ученой степени, что позволяло им войти в ряды привилегированного учёного сословия *шэньши* (绅士) и, став частью политической элиты китайского общества, иметь больше возможностей для развития их торгового бизнеса.

Для цитирования: Даньшин А. В. Зачем купцам в традиционном Китае нужна была учёная степень? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 46–50. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-46-50.

Одним из наиболее значительных достижений китайской цивилизации, которое считают «важнейшим вкладом Китая в мировую культуру, повлиявшим на западную государственность» [1, с. 146], был институт специальных экзаменов *кэцзюй* (科舉) по отбору кандидатов для работы в органах государственной власти. Хорошо известно, что в этих экзаменах имели право принимать участие даже представители низших сословий, в том числе ремесленники (*гун* 工) и крестьяне (*нун* 农). Однако множество правовых и социальных барьеров, возникающих на пути простолюдина (*сяоминь* 小民) к заветной чиновничьей должности, делали это право во многих случаях лишь призрачной мечтой. К экзаменам не допускали буддийских и даосских монахов и так называемый «подлый люд» (*цзяньжэнь* 贱人), в том числе прислугу и актёров. Хотя официального запрета никогда не существовало, экзамены не могли также сдавать женщины, кроме известных из художественной литературы случаев, когда им удавалось выдать себя за мужчин [2, р. 240–241]. До XIV в. в экзаменах запрещено было участвовать и купцам (*шан* 商), а также их сыновьям и внукам, даже если они никогда не занимались торговой деятельностью. Объяснялось это тем, что, постоянно путешествуя по стране, они не могли должным образом выполнять свои сыновние обязанности, что противоречило одному из важнейших принципов конфуцианства [3, р. 239]. Кроме этого, любой чиновник в соответствии с классическим представлением конфуцианцев о «совершенном муже» (*цзюньцзы* 君子) должен обладать такими качествами, как честность и благородство, умеренность и скромность, почтительность и искренность, которых не могло быть у купцов. Именно купечество, по мнению конфуцианских авторов, представляло наибольшую опасность для установленного в стране порядка, поскольку вся их жизнь направлена на приобретение материальных благ, а не на морально-этическое совершен-

ствование, к чему должен стремиться каждый государственный служащий. Подобной точки зрения придерживались и основатели легизма. Купечество, по их мнению, показывало населению дурной пример общественного продвижения, основанного не на достижениях в военной или гражданской службе, а на простом обогащении. Именно в деятельности купцов, считали они, с такой же неизбежностью, «как поток воды устремляется лишь вниз, а не в разные стороны», наиболее ярко проявляются стремления большинства людей к богатству и знатности, «которые угасают лишь тогда, когда захлопывается крышка гроба» [4, с. 209, 228]. Неприязнь к купцам, которые «способны за один день заработать столько, что могут жить на это в течение года, тогда как крестьянин, трудясь непрерывно весь год, все равно не может себя обеспечить» [5, р. 66], создавало в обществе потенциальную опасность социального взрыва. Чтобы избежать его, и легисты и конфуцианцы призывали правителей поддерживать «основное занятие» (земледелие) и ограничивать «второстепенное» (торговлю). Для последователей Конфуция примером в этом были правители династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), запрещавшие представителям купеческого сословия занимать государственные должности и участвовать в экзаменах [6, р. 105; 7, р. 151, note 159].

Однако уже при династии Тан (618–907 гг.) становится популярной другая конфуцианская идея, которая говорит о необходимости привлечения на государственную службу людей, образованных и талантливых, независимо от их социального происхождения и рода занятий. Известный танский философ Лю Цзунюань (773–819 гг.) в одном из своих эссе подчеркнул, что торговля может быть не только выгодной, но и нравственно приемлемой, если лишена нечестной конкуренции и близорукой мелочной жадности, что нередко можно встретить и среди чиновников [5, р. 93–94]. С конфуцианских позиций купцов защитил также крупный государственный

деятель Бо Цзюйи (772–846 гг.), поддерживав тех губернаторов, которые в списки кандидатов на сдачу экзаменов включили сыновей и внуков купцов. В ответ на сомнения в законности таких действий он писал: «Экзаменационная система направлена на отбор исключительно мудрых и добродетельных мужчин. Разве можно отказываться от наиболее талантливых кандидатов только на основании их происхождения! Если единственное препятствие [в отношении торговцев] состоит в том, что они являются мелкими и низкими, как Вы можете отклонить того, кто может оказаться наилучшим и выдающимся? Если бы Вы нашли золотой самородок среди груды щебня, то навряд ли отказались бы подобрать его только потому, что этот кусок золота смешан с дешёвым материалом? Если бы Вы обнаружили в глубоком горном ущелье благородную сосну, то навряд ли побрезговали ею только потому, что место, где она выросла непритязательно и скромно? Единственное разумное соображение должно заключаться в том, чтобы отобранные [для государственной службы] люди были самыми достойными» [5, р. 90].

Начиная с X в. в виде исключения купцов стали допускать к экзаменам, оговаривая, однако, их участие особыми условиями. Одним из таких условий являлось, например, проведение для них испытаний уже после официального завершения экзаменов [6, р. 70, note 60], если оставались незаполненными вакансии, где требовались знания и опыт купцов. Хотя основными в экзаменационных билетах были вопросы на знание собранных в «Пятикнижии» («У-цзин» 五經) и «Четырёхкнижии» («Сы-шу» 四書) классических конфуцианских текстов, специально для купечества включали вопросы, посвящённые организации доставки товаров в отдаленные районы страны, а также обеспечения деятельности рынков и таможенных пунктов [2, р. 41–43; 6, р. 62]. Запрет на участие купечества в государственных экзаменах был официально снят только в период династии Мин (1368–1644 гг.), которая установила, однако, для этого сословия специальные квоты. Первоначально размер этих квот составлял не более 0,5 % от общего количества лиц, рекомендованных местными властями к прохождению экзаменов, постепенно достигнув к XVIII в. своего максимума в 10 % [2, р. 252; 3, р. 23]. Этими квотами мог воспользоваться далеко не каждый желающий, поскольку глубокое изучение классических конфуцианских текстов требовало опытных учителей, нанять которых могли лишь самые состоятельные купеческие семьи. Но даже они вынуждены были создавать для этого специальные образовательные фонды, куда привлекались материальные ресурсы всего клана. В корпоративном кодексе одного из крупных семейных кланов сунского периода отдельным пунктом закреплялось, что «если кто-то из молодых членов клана решит принять участие в [государственных] экзаменах, на поездку ему должно быть выплачено 10 тыс. монет, ...которые должны быть собраны путём уменьшения месячной доли риса каждого члена клана» [7, р. 11].

Несмотря на возможность официальной покупки государственных должностей, что могло себе позволить богатое купечество, в общественном сознании закрепилось мнение, что наиболее престижным и самым справедливым путём поступления на государственную службу является участие в экзаменах, чему способствовал чрезвычайно строгий порядок их проведения, практически полностью исключающий возможность подкупа, протекции или списывания. Место

проведения экзамена полностью изолировалось от внешнего мира, и любые попытки организаторов или участников экзаменационных испытаний общения с внешним миром строго наказывались. Даже в случае смерти кого-либо из организаторов или участников экзаменационных испытаний труп просто-напросто перебрасывали родственникам умершего через стену, а в случае пожара охрана не имела даже права пропустить пожарных, что приводило к гибели большого числа людей [2, р. 180]. За использование шпаргалок Уголовным кодексом династии Мин (*Да Мин люй* 大明律) предусматривалось ношение в течение месяца тяжёлой шейной колодки [8, с. 72–73], а чиновник периода империи Цин за получение на экзамене взятки мог быть приговорён к смертной казни [2, р. 202–204, 224]. Эти жестокие меры, а также частые неудачи на экзаменах не останавливали желающих добиться своей заветной цели. В «Неофициальной истории конфуцианства» приводится случай, когда один человек более двадцати раз пытался сдавать экзамены, на подготовку к которым он потратил тридцать пять лет своей жизни [9, с. 56].

В то же время даже блестящие результаты экзаменов не гарантировали поступления на государственную службу, поскольку количество людей с учёными степенями всегда было значительно больше числа освобождающихся вакансий. В период династии Сун (960–1279 гг.), например, шанс дожидаться назначения на государственную должность для тех, кто успешно выдержал экзамены, составлял примерно один из восьмисот. У купцов же этот шанс был еще меньше. Однако число желающих принять участие в государственных экзаменах постоянно увеличивалось, достигнув в эпоху династий Мин и Цин 1–2 миллионов человек в год, что составило 3–5 % всего мужского населения страны, доходя в отдельных регионах до 10 % [10, р. 164–165].

Если перспектива стать чиновником мало интересовала большинство китайских купцов, то ради чего тогда они тратили большие усилия для подготовки к экзаменам, и зачем им нужна была учёная степень? Может быть, труды конфуцианских учёных были для купцов более полезными, чем пользующиеся среди них большей популярностью различные практические пособия по ведению торговли [11, с. 174] и кодексы их корпоративной этики [12, с. 134–135]? Конечно, это не так. Наличие учёной степени прежде всего открывало для купца перспективу более успешного развития не только его личного бизнеса, но и экономики всего семейного клана. При фактическом отсутствии в традиционном Китае законодательного регулирования договорных отношений наличие у купца учёной степени являлось важным фактором доверия к нему со стороны коммерческих партнеров и серьёзным гарантом обеспечения двухсторонних торговых обязательств. Кроме этого, помимо материальной выгоды, не менее важным стимулом, заставлявшим купечество готовить к участию в государственных экзаменах своих кандидатов и тратить на это немалые средства, являлось стремление войти в ряды привилегированного учёного сословия *шэньши* (紳士) и стать таким образом частью культурной и политической элиты китайского общества со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Поскольку одним из определяющих признаков *шэньши* являлось наличие учёной степени, данное обстоятельство, по мнению Макса Вебера, делало это сословие похожим на российское дворянство после реформ Петра I [13, S. 621].

Получив даже самую низшую учёную степень *сюцай* (秀才), китайское купечество освобождалось от воинской службы, обязательных общественных работ и ряда налогов, а также телесных наказаний. Не менее существенным было для них также право носить одежду из шелка, ездить верхом на лошадях, пользоваться паланкином и иметь дом со специальными украшениями, что разрешалось лицам более высокого социального положения, чем купцы. Если этим правом пользовался тот из купцов, кто не участвовал в экзаменах или провалил их, то он подвергался наказанию от 40 до 100 ударов бамбуковыми палками [8, р. 137–151]. Кроме этого, купцов-*шэньши* власти назначали на должности региональных служащих, доверяя им организацию ирригационных работ, обеспечение правил рыночной торговли, сбор торговых пошлин, надзор за соблюдением государственных стандартов качества товаров и эталонных мер веса, объема и длины, обеспечение государственной ценовой политики и антимонопольного законодательства и др. [14, р. 59–66]. Если купцы, успешно сдавшие экзамены, не получали никакой должности, им нередко достаточно было почёта и уважения односельчан, членов своего клана или коммерческой организации, а также особого отношения к ним со стороны местных властей, от произвола которых купцы-*шэньши* были защищены лучше других. Вот, например, что говорит один из героев знаменитого романа XVIII в. известного писателя-сатирика У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» о тех, кто имеет какую-нибудь учёную степень: «Любой *цзюйжэнь* или *цзиньши* стоит на равной ноге с начальником округа или уезда и может прийти к ним с любой просьбой, а те не вправе отказать», любая же попытка «человека никогда не сдававшего экзаменов, отправить свою карточку к начальнику уезда или идти к нему с визитом», скорее всего, привела бы к тому, что он «мог бы своими руками вытолкать его вон» [9, с. 512].

В условиях глубочайшего социального кризиса, охватившего страну накануне антиманьчжурского народного восстания 1905–1910 гг., цинское правительство отказалось от системы единых государственных экзаменов, назвав её одним из многих бесполезных «традиционных предрассудков». Однако так считали далеко не все. Ещё в XVII–XVIII вв., когда сведения об этой уникальной экзаменационной системе проникли в Европу через посетивших Поднебесную итальянских, английских и французских купцов и миссионеров, её высоко оценили и использовали затем для подобного опыта в ряде европейских стран [15, с. 153]. Одним из первых на эту систему обратил внимание Адам Смит, который в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» предложил ввести в Англии подобные экзамены, по результатам которых и проводить назначения чиновников. К середине XIX в. такая практика появилась в ряде европейских странах, в связи с чем первый президент Китайской республики Сунь Ятсен

написал в своём «Плане реконструкции страны»: «Хотя «экзаменационная система в западных странах скопирована, в основном с Англии...», но когда мы смотрим ещё далее в историю, то видим, что государственная служба Англии была скопирована с Китая. У нас есть очень серьёзное основание полагать, что китайская экзаменационная система была самой ранней и наиболее продуманной системой в мире» [цит. по: 16, р. 32].

С 2003 г. к этой системе вернулись в Китайской Народной Республике. Причем, как и много веков назад, перед властями встал вопрос об участии в экзаменах представителей различных социальных слоев. И если сначала это участие было ограничено, то с 2010 г. специальным правительственным постановлением к экзаменам допустили рабочих и крестьян. В связи с этим уже на следующий год в государственных экзаменах приняли участие более 1 млн. человек, 90 % которых являлись выходцами из простых семей и, как было официально заявлено, именно они должны занять около 99 % всех объявленных в стране вакансий. Это решение явилось одним из очередных шагов китайского руководства по реформированию механизма государственного управления с использованием исторического опыта традиционного Китая, в котором содержатся «скрытые механизмы...», лежащие в основе достигнутых в политической, экономической и социальной сфере успехов» [17, с. 6]. Возвращение в современном Китае к набору на государственную службу через систему единых общегосударственных экзаменов говорит о сохранившемся представлении о них как об одном из эффективных способов сохранения в обществе социальной стабильности. Безусловно, установленная в КНР с 2015 г. уголовная ответственность за использование на государственных экзаменах шпаргалок, предусматривающая за это от трёх до семи лет лишения свободы [18], направлена не только на обеспечение высокого качества подготовки молодых специалистов, которым предстоит работать в политической, экономической и научной сферах страны, но в не меньшей степени и на укрепление этой стабильности.

На решение этой задачи была в конечном счёте направлена и политика китайского руководства много столетий назад, когда средний класс китайского общества был допущен к государственным экзаменам и получению учёной степени. Начав так необходимую тогда для традиционного китайского общества ротацию правящей элиты, в состав которой вошли наиболее талантливые и образованные представители непривилегированных сословий, в том числе купцы, китайское правительство получало в их лице широкую базу для укрепления политического и культурного единства Китая. Купцам же наличие учёной степени нужно было, прежде всего, для обеспечения более успешного развития их торгово-экономической деятельности.

Литература

1. Кроль Ю. Л. Некоторые вопросы исследования феномена бюрократии в старом Китае и перевода соответствующих административных терминов (в связи с выходом в свет монографии В. М. Рыбакова «Танская бюрократия») // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 146–168.
2. Elman B. A. A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. 847 p.
3. Eberhard Wolfram. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962. 302 p.
4. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / пер. с китайского Л. С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 392 с.

5. Twitchett D. C. Merchant, Trade and Government in Late T'ang // *Asia Major*. Vol. XIV. Part 1. 1968. P. 63–95.
6. Kracke E. A. *Civil Service in Early Sung China (960–1067)*. Cambridge (Mass.), 1953. 249 p.
7. Twitchett D. C. Documents of Clan Administration: 1, The Rules of Administration of the Charitable Estate of the Fan Clan. Annotated translation of the *I-chuang kuey-chu* // *Asia Major*. Vol. 8. Part 1. 1960. P. 1–35.
8. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи фу ли): В 2-х частях / перевод с китайского, исследование, примечание и приложения Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 2002. Ч. 2. 408 с.
9. У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с китайского, предисловие и послесловие Д. Воскресенского. М.: Гудьял-пресс, 1999. 640 с.
10. Bol P. K. The Sung Examination System and the *Shih*. Review Article // *Asia Major*. 1990. Vol. 3. Part 2. P. 149–170.
11. Рысакова П. И. «Купеческие книги» (*шанжэньшю*) и «повседневные энциклопедии» (*жюньлэйшю*) как учебные пособия в позднеимператорском Китае // *Азия и Африка в меняющемся мире: XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки*. Санкт-Петербург (22–24 апреля 2015). Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: НП-Принт, 2015. С. 175–176.
12. Даньшин А. В. Кодексы профессиональной этики купечества как источник торгового права традиционного Китая // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2013. № 2(8). С. 131–137.
13. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialökonomik. Abteilung III*. Tübingen, 1922. 864 S. Режим доступа: <http://archive.org/stream/wirtschaftundges00webeuoft#page/708/mode/2up> (дата обращения: 15.09.2016).
14. Ch'u Tung-tsu. *Law and Society in Traditional China*. Paris, 1961. 304 p.
15. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль, политическая и правовая культура / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. 935 с.
16. Berkelhach van der Sprenkel Otto P. N. The Chinese Civil Service // *East Asian History*. 1996. № 11. P. 17–32.
17. Трощинский П. В. Правовая система Китая. М.: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2016. 471 с.
18. Мануков С. Уроки китайской грамоты: семь лет за шпаргалку // *Коммерсантъ*. 31.05.2017. Режим доступа: <http://spb.media/text/uroki-kitayskoj-gramoty-sem-let-za-shpargalku> (дата обращения: 10.07.2017).

WHY DID MERCHANTS IN TRADITIONAL CHINA NEED AN ACADEMIC TITLE?

Alexandr V. Danshin^{1, @}

¹ *Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992*
 @danschin.garant2013@yandex.ru

Received 30.06.2017. Accepted 17.10.2017.

Keywords: China, merchants, Confucianism, state exams, degree, *shênshih*.

Abstract: The article explores the issue of participation of the traditional China merchant class in special examinations that gave the right to work in the state authorities. The author's aim was to find the answer to the following question: why were merchants banned from the exams, whereas artisans and peasants were granted this opportunity. When they were finally given such an option, it immediately resulted in a huge wave of applicants willing to pass the difficult test, despite its great material and moral costs and the fact that there was no guarantee that the applicant could ever become a government official to become officials, even if they passed the ordeal with flying colors. The author concludes that for most of the applicants the main purpose was not the bureaucratic post itself but the degree that allowed them to enter the ranks of the privileged scholar class *shênshih* (绅士) and become part of the political elite of Chinese society, which gave them more opportunities to develop their trading business.

For citation: Danshin A. V. Zachem kuptsam v traditsionnom Kitae nuzhna byla uchenaia stepen'? [Why did Merchants Traditional China Need an Academic Title?]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 46–50. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-46-50.

References

1. Krol' Iu. L. Nekotorye voprosy issledovaniia fenomena biurokratii v starom Kitae i perevoda sootvetstvuiushchikh administrativnykh terminov (v sviazi s vykhodom v svet monografii V. M. Rybakova «Tanskaia biurokratiia») [Some questions of study of the phenomenon of bureaucracy in ancient China and the translation of relevant administrative terms (in connection with the publication of a monograph by V. M. Rybakov «The T'ang bureaucracy»)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka = Written monuments of the East*, no. 2 (2010): 146–168.

2. Elman B. A. *A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000, 847.
3. Eberhard Wolfram. *Social Mobility in Traditional China*. Leiden, 1962, 302.
4. *Kniga pravitel'ia oblasti Shan (Shan Tsiun' Shu)* [The book of Governor of region Shang (Shang Jun Shu)]. Trans. Perelomov L. S. Moscow: Ladomir, 1993, 392.
5. Twitchett D. C. Merchant, Trade and Government in Late T'ang. *Asia Major*, vol. XIV, part 1 (1968): 63–95.
6. Kracke E. A. *Civil Service in Early Sung China (960–1067)*. Cambridge (Mass.), 1953, 249.
7. Twitchett D. C. Documents of Clan Administration: 1, The Rules of Administration of the Charitable Estate of the Fan Clan. Annotated translation of the *I-chuang kuey-chu*. *Asia Major*, vol. 8, part 1 (1960): 1–35.
8. *Zakony Velikoi dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovlenii (Da Min liui tsi fu li)* [The laws of the Great Ming with a consolidated review and the application of regulations (Da Ming lu ji fu li)]. Transl. Svistunova N. P. Moscow: Vostochnaia literatura, part 2 (2002): 408.
9. *Wu Jing-zi. Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev* [Unofficial history of the Confucians]. Trans. Voskresensky D. Moscow: Gud'ial-press, 1999, 640.
10. Bol P. K. The Sung Examination System and the Shih. Review Article. *Asia Major*, vol. 3, part 2 (1990): 149–170.
11. Rysakova P. I. «Kupecheskie knigi» (*shanzhen'shu*) i «povsednevnye entsiklopedii» (*zhiiunleishu*) kak uchebnye posobiia v pozdneimperiatorskom Kitae [«Merchant books» (*sanganichi*) and «everyday encyclopedias» (*junmaishu*) as manuals in late Imperial China]. *Aziia i Afrika v meniaiushchemsia mire: XXVIII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki. Sankt-Peterburg (22–24 aprelia 2015)* [Asia and Africa in a changing world: Proc. XXVIII intern. Sc. Conf. on source studies and historiography of Asia and Africa. Saint-Petersburg (April 22–24 2015)]. Ed. D'iakov N. N., Matveev A. S. Saint-Petersburg: NP-Print, 2015, 175–176.
12. Dan'shin A. V. Kodeksy professional'noi etiki kupechestva kak istochnik torgovogo prava traditsionnogo Kitaia [Codes of professional ethics of the merchant as the source of commercial law in traditional China]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of the Tomsk State University. Right*, no. 2(8) (2013): 131–137.
13. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialökonomik*. Abteilung III. Tübingen, 1922, 864. Available at: <http://archive.org/stream/wirtschaftundges00webeuoft#page/708/mode/2up> (accessed 15.09.2016).
14. *Ch'u Tung-tsu. Law and Society in Traditional China*. Raris, 1961, 304.
15. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia. Vol. 4: Istoricheskaiia mysl'. Politicheskaiia i pravovaia kul'tura* [Spiritual culture of China: encyclopedia: Vol. 4: Historical thought. The political and legal culture]. Ed. Titarenko M. L. Moscow: Vostochnaia literatura, 2009, 935.
16. Berkelhach van der Sprenkel Otto P. N. The Chinese Civil Service. *East Asian History*, no. 11 (1996): 17–32.
17. Troshchinskii P. V. *Pravovaia sistema Kitaia* [The legal system of China]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk, 2016, 471.
18. Manukov S. Uroki kitaiskoi gramoty: sem' let za shpargalku [Lessons of the Chinese literacy: seven years for the crib]. *Kommersant = Kommersant*, 31.05.2017. Available at: <http://spb.media/text/uroki-kitayskoy-gramoty-sem-let-za-shpargalku> (accessed 10.07.2017).